

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ
ВИКТОРИЯ ОНЧУКОВА

ОКНО номер семь

— ♦ СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ДУХИ ♦ —

• КНИГА 12 •

УЮТНЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Книга 12. Следствие ведут
духи. Окно номер семь

<https://litres.ru/74172853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера приходит в МФЦ за обычной выпиской, но электронная очередь выдаёт пожилой женщине талон на имя мужа, умершего шесть лет назад. Бумагу рвут и выбрасывают — она возвращается целой, с отметкой «3–12». Через несколько часов в запёртом служебном коридоре умирает архивный курьер, а папка одинокой собственницы исчезает.

Вместе с Антоном Ланским Вера прослеживает путь оригиналов через окно 7, архивные ячейки и подменённые листы. Но чем ближе разгадка, тем опаснее вопрос: всякую ли правду нужно раскрывать, если одно давнее нарушение спасло человека, а новое лишает людей права распоряжаться собственным домом?

Бумаги помнят больше, чем электронные копии. И иногда мёртвое имя в талоне — не ошибка системы, а предупреждение.

Содержание

Глава 1. Талон на чужое имя	4
Глава 2. Смерть в коридоре	16
Глава 3. Окно, которого все боятся	28
Глава 4. Резкая Марина	40
Глава 5. Папка Надежды Егоровны	52
Глава 6. Копия молчит	66
Глава 7. Очередь к Олеся	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 12. Следствие ведут духи. Окно номер семь

Глава 1. Талон на чужое имя

В многофункциональный центр (МФЦ) я пришла за готовой выпиской и заранее отвела на это сорок минут. Опыт подсказывал: учреждения воспринимают такие планы как личный вызов. Но утром в зале было спокойно. Свободные стулья ещё оставались, у автомата не было очереди, а охранник успевал объяснять посетителям, куда нажимать.

На экране автомата было семь разделов. Мне требовалось получить готовый документ, поэтому я выбрала кнопку с таким названием, ввела номер заявления и дождалась печати. Аппарат подумал, зажужжал и выдал талон А-071. Под номером стояло: «Приём документов по объекту недвижимости».

— Уже неплохо, — сказала я автомату. — Квартира у меня есть. Осталось понять, почему я снова её оформляю.

Мужчина за моей спиной кашлянул. Я отошла, чтобы не

задерживать очередь, и подошла к администратору. Та разговаривала с посетительницей, которая хотела попасть к специалисту без талона, потому что «всего один вопрос». Вопрос, судя по папке толщиной с семейный архив, собирался занять остаток дня.

Рядом с автоматом стояла пожилая женщина в тёмном пальто. Она прижимала к груди коричневый конверт и несколько раз перечитывала свой талон. Потом посмотрела на экран, снова на бумагу и тихо спросила:

— Девушка, здесь фамилия должна быть моя?

— Если талон ваш, то обычно да.

Она протянула его мне. В верхней строке значилось: «Пётр Васильевич Соколов». Ниже был напечатан номер В-107 и та же услуга, что досталась мне, — документы по недвижимости.

— Это муж, — сказала женщина. — Он умер шесть лет назад.

Я ещё раз проверила бумагу. Дата была сегодняшняя, время — 10:17.

— Вы вводили его данные?

— Свой паспорт приложила. И заявление у меня на моё имя. Пётр при чём?

Администратор освободилась, но до нас не дошла. Вместо неё заговорила система:

— Талон В-107. Окно номер семь.

Женщина повернулась к ряду окон. Над седьмым загоре-

лись цифры, а за стеклом подняла голову сотрудница с короткой стрижкой. Пожилая женщина сделала шаг, пальцы разжались, конверт упал на пол. Следом опустилась она сама.

Я успела подхватить её за плечи, но удержать на ногах не смогла. Мы вместе сели между стульями. Несколько человек сразу встали посмотреть, что произошло, и проход исчез.

— Освободите место, пожалуйста. Ей нужен воздух, а не зрители.

Охранник оказался рядом быстрее администратора. Он отодвинул стул, вызвал медработника и попросил людей вернуться на места. Сотрудница из окна № 7 принесла воду, но женщина ещё не открывала глаза. Я расстегнула верхнюю пуговицу её пальто и назвала время, когда она потеряла сознание.

Через минуту она задышала глубже. Глаза она открыла не сразу. Потом посмотрела на меня.

— Пётр?

— Вы в МФЦ. Вам стало плохо.

Она вспомнила, где находится, и закрыла глаза ладонью. Пальцы заметно дрожали.

— Уберите талон.

Талон лежал возле моего ботинка. Я подняла его. Выпавшие листы сложила в конверт и передала его охраннику, а талон оставила у себя: женщина снова отворачивалась при одном взгляде на бумагу.

Фельдшер из дежурного кабинета измерил ей давление. Потом подошла бригада скорой помощи. Женщину пересаживали на стул у стены, где было меньше людей. Она назвала себя Надеждой Егоровной Соколовой и несколько раз повторила, что в больницу не поедет.

— У меня не сердце, — сказала она фельдшеру. — Я испугалась.

— Испуг тоже умеет поднимать давление. Посидите спокойно.

Администратор наклонилась к талону в моей руке и назвала случившееся обычным сбоем. Супруги когда-то обращались по общему адресу, поэтому старая связь могла сохраниться в базе. Она исправила строку и предложила продолжить приём. Почему система выбрала имя умершего, выяснять не стала.

Она попросила талон для утилизации. Бумагу смяла и бросила в контейнер под стойкой, после чего взяла паспорт Надежды Егоровны и открыла её карточку на планшете. На экране значилась только Соколова Надежда Егоровна.

Администратор уверяла, что успела обновить запись. Я спросила, как на это хватило полминуты. После этого её взгляд остановился на моём блокноте, а разговор быстро вернулся к моей выписке. Мне посоветовали взять новый талон и не задерживать очередь.

Это был вежливый способ напомнить, что чужой сбой не входит в перечень моих услуг. Я вернулась к автомату. У кон-

тейнера на полу белел уголок бумаги. Решив, что администратор промахнулась, я подняла комок и развернула его.

Талон В-107 снова был целым. На бумаге осталась только одна складка.

Я посмотрела в контейнер. Там лежали рекламный листок и два обычных талона, разорванных пополам. Администратор уже ушла к Надежде Егоровне. Объяснить случившееся аккуратностью уборщиков было трудно: уборщик не успел бы вынуть бумагу, разгладить её и положить мне под ноги, пока я делала три шага.

На табло загорелся мой номер А-071, и разбираться с системой пока не имело смысла. Пришлось идти к окну.

— Талон А-071. Окно номер четыре.

У окна № 4 выяснилось, что вместо получения выписки я записалась на подачу документов по сделке. Я сообщила, что ничего не продаю. Специалист спросила, зачем тогда выбрала этот раздел.

— Автомат решил, что мне пора.

Женщина за стеклом не улыбнулась, но её взгляд стал менее служебным. Она ввела номер заявления, нашла готовый результат и перевела меня в окно выдачи.

Принтер возле неё выпустил новую бумажку. Теперь я стала К-214 и должна была подтвердить льготу на оплату коммунальных услуг.

Льготы у меня не было, но специалист посоветовала всё же сходить к назначенному окну, иначе номер останется от-

крытым. В МФЦ существовало немало форм бессмертия, и незакрытый талон, похоже, относился к самым надёжным.

Я села рядом с Надеждой Егоровной. Фельдшер уже убрал прибор, но не уходил. Конверт лежал у неё на коленях, а взгляд не отрывался от сгиба на клапане. Я предложила позвонить родным. Она отказалась и согласилась только на такси, но вызывать машину пока не стала.

Она заметила у меня в руке свой талон. Пальцы сразу сжались на клапане конверта.

— Я просила убрать.

— Его выбросили. Он оказался возле автомата.

— Значит, плохо выбросили.

— Возможно.

Надежда Егоровна не захотела обсуждать это при фельдшере и посетителях. На мой вопрос о документах ответила только, что дело касается её квартиры и что заявление она подавала сама. Муж к квартире отношения уже не имел.

— После его смерти всё оформили, — сказала она. — Никаких доверенностей от него быть не может.

Администратор вернулась с планшетом и показала карточку Надежде Егоровне. Пётр Васильевич на экране не отображался, поэтому имя объяснили старым печатным шаблоном.

Я напомнила, что аппарат выдал нам одинаковую услугу, хотя пришли мы по разным вопросам. Администратор нашла журнал операций. За последние двадцать минут наши

обращения значились раздельно, но в служебной таблице рядом со временем 10:17 стояла запись: «ручная выдача, 3—12». Следующая строка относилась к талону Надежды Егоровны.

— Что означает «ручная выдача, три двенадцать»?

— Служебная операция. К вашему вопросу не относится.

— Она прошла в ту же минуту, когда напечатался талон.

— В здании каждую минуту выполняются десятки операций.

Её голос оставался спокойным, но планшет она прижала к себе. Сотрудница окна № 7 наблюдала за нами из-за стекла. Когда наши взгляды встретились, она указала на очередь и вызвала следующего посетителя.

Фельдшер разрешил Надежде Егоровне уйти, если та не будет добираться одна. Она согласилась вызвать машину и попросила администратора вернуть заявление.

— Документы уже в работе, — ответила та. — Сейчас остановить приём нельзя. Можно оформить обращение.

— Я не хочу оформлять обращение. Я хочу понять, почему пришла под своим именем, а бумагу получила на имя покойного мужа.

Несколько человек снова повернули головы. Надежда Егоровна сразу замолчала и плотнее закрыла конверт.

— Давайте пройдем в отдельный кабинет, — предложила администратор.

— Нет. Я поеду домой.

Она поднялась. Я подала ей сумку и спросила, можно ли проводить до машины.

— До двери можно. Дальше я сама.

В этот момент мой новый номер вызвали к окну № 12. Там принимали вопросы по льготам. Специалист выслушала историю моего путешествия по электронной очереди и вздохнула с таким пониманием, будто сама давно пыталась выбраться из неё.

— Давайте закроем неверную услугу и выдадим вам правильный талон.

— Это будет третий.

— Третий обычно удачный.

Принтер выдал М-308. Под номером значилось: «Повторный приём пакета документов».

— Пакета у меня нет.

Специалист посмотрела на экран и объяснила, что номер привязан к предыдущему обращению у окна № 7. Фамилию заявителя назвать отказалась, даже после того как я произнесла имя Надежды Егоровны.

Отменить привязку не получилось: система требовала причину повторного приёма. В карточке обнаружили две внутренние отметки. Специалист прочитала их, нахмурилась и позвала старшую смены.

— Здесь один номер пакета, но две даты приёма, — тихо сказала она. — Первый раз через седьмое окно, второй — через служебную стойку.

Старшая смены закрыла карточку прежде, чем я успела прочитать примечание. Дублирование она назвала техническим, а мои неверные номера объяснила ошибкой перевода между окнами. Я напомнила про имя умершего мужа на талоне и заметила, что отдельные сбои каждый раз приводят к одному пакету. После вопроса о моих полномочиях разговор закончился.

Старшая смены забрала М-308 и сама отвела меня в окно выдачи результатов. Выписку нашли за две минуты. Ради этих двух минут я уже провела в МФЦ больше часа и успела узнать, что чужой пакет принимали дважды.

У выхода Надежда Егоровна ждала машину. Она стояла возле окна, чтобы не мешать потоку, и смотрела на телефон.

— Такси будет через семь минут, — сказала она. — Они тоже выдают номер, но хотя бы без имени покойника.

Она попыталась пошутить, но тут же отвела взгляд и крепче сжала телефон.

— Надежда Егоровна, я журналист, — сказала я. — Сегодня у меня должна была быть редакционная встреча, но я на неё уже не успеваю. Я не стану ничего публиковать о вас без разговора и вашего согласия.

— Почему вы вообще хотите публиковать?

— Пока не хочу. Сначала хочу понять, это случайная ошибка или ваш документ попал не туда.

Она долго смотрела на меня. Потом спросила:

— Вы всегда так начинаете? Приходите за своей бумаж-

кой и уходите с чужой бедой?

— Не всегда. Иногда свою бумажку тоже забываю.

Выписка была у меня в папке, поэтому убедительности не получилось. Надежда Егоровна это заметила.

— Я живу в деревне N, — сказала Надежда Егоровна. — Сегодня приехала, потому что меня вызвали по заявлению. Больше в зале ничего спрашивать не надо.

— Хорошо.

— И адрес мой никому не давайте.

— У меня его нет.

— Вот и пусть не будет.

Подъехала машина. Я помогла открыть дверь, но конверт она не отдала даже на секунду. Перед тем как сесть, Надежда Егоровна коснулась моей руки.

— Пётр никогда не занимался бумагами. Он даже квитанции прятал в сахарницу, чтобы не потерять. Если его имя появилось на документе, значит, это не его дело.

Машина уехала. Я вернулась к стойке администратора и положила перед ней талон В-107.

— Он снова оказался у меня. На этот раз примите под подпись.

— Я не расписываюсь за использованные талоны.

— Тогда порвите при мне.

Администратор разорвала бумагу на четыре части и бросила в закрытый контейнер. Я подождала, пока крышка опустится.

— Довольны?

— Буду, когда получу объяснение по повторному приёму.

— Запрос можно подать официально. Ответ придёт в установленный срок.

— Мне уже выдали три талона. Боюсь, официальный запрос назначит меня собственником соседнего здания.

Она впервые улыбнулась, хотя сразу попыталась это скрыть. Взгляд тут же вернулся к экрану.

Телефон завибрировал. Редактор написал: «Мы закончили. Ты где?» Я ответила, что застряла в МФЦ, и получила короткое: «Опять?» Возражать было нечем.

До выхода оставалось несколько шагов. Я открыла папку, чтобы убрать телефон между страницами выписки. Там обнаружился талон В-107.

Он был целым. Следов разрыва на краях не осталось.

Я вернулась к администратору. Она уже обслуживала другого человека, а закрытый контейнер стоял у её ног. Поднимать шум в зале не хотелось. Я подошла к свободному месту возле окна № 7 и положила талон на стойку.

Имя Петра Васильевича оставалось на лицевой стороне. На обороте, который прежде был пустым, проступили серые цифры: 3–12.

Я провела по ним пальцем. Краска не смазалась. За стеклом сотрудница окна № 7 резко подняла голову, но ничего не сказала.

Отметка 3–12 стояла и в служебной таблице рядом со вре-

менем печати. У меня были фотографии обеих сторон талона и обещание, данное Надежде Егоровне. Я убрала бумагу в отдельный карман и решила проверить путь её документа.

Глава 2. Смерть в коридоре

Уехать из МФЦ сразу мне не дали. Когда я подошла к выходу, охранник закрыл одну створку двери и попросил посетителей не расходиться по служебному проходу. В обычный зал это не относилось, но люди восприняли просьбу широко: половина встала, другая половина начала звонить родным и сообщать, что учреждение закрыли по неизвестной причине.

У стойки администратора уже стояла старшая смены. Она говорила быстро, почти не двигая губами, а девушка с планшетом записывала фамилии сотрудников. За дверью, которую раньше я принимала за вход в кладовую, мелькнули две красные куртки медиков.

— Что произошло? — спросила я у охранника.

— Человеку плохо стало. Пройдите к выходу.

— Сотруднику?

— Архивному курьеру. Не задерживайтесь.

Слово «архивному» удержало меня на месте лучше любого распоряжения. Я достала талон В-107, тот самый, который уже дважды пытались уничтожить, и посмотрела на серые цифры с обратной стороны. Запись «3-12» никуда не исчезла.

В коридор меня, разумеется, не пустили. Я остановилась у стены рядом с кулером, откуда была видна открытая часть служебной зоны. На полу стояла серая тележка с металличе-

скими бортами. В ней лежали архивные конверты, перевязанные жёстким льняным шнуром. Один конверт выступал из ряда, словно его торопливо вернули сверху.

Медик вышел первым и попросил открыть наружную дверь. За ним показались двое санитаров с носилками. Человека на них накрыли до груди. Лицо было серым, рот открыт, на виске темнел пот. Мужчина казался старше пятидесяти, хотя потом выяснилось, что Николаю Рудину было сорок восемь.

Рядом шла женщина в деловом костюме. Я узнала её: она подходила к Надежде Егоровне после обморока и называла себя заместителем руководителя. Тогда я не запомнила фамилию. Теперь сотрудница с планшетом произнесла:

— Елена Викторовна, полиция уже едет.

— Сначала освободите зал, — ответила та. — У Николая сердце. Все это знали.

Елена Викторовна назвала причину смерти до заключения врача. Я отметила время в телефоне: 13:07. На редакционную встречу я уже опоздала, выписку получила, а потому могла уйти без ущерба для приличной жизни. Вместо этого подошла к заместителю руководителя.

— Елена Викторовна, я нашла талон, связанный с архивной операцией. Хотела передать ответственному сотруднику.

Она посмотрела на бумагу, затем на меня.

— Посетителей просят покинуть здание.

— Я покину. Сначала отдайте талон тому, кто проверит операцию «3–12».

— Это внутренний код.

— Он появился на обороте после печати.

— На талонах ничего не появляется. Вероятно, вы сделали пометку сами.

Елена Викторовна не повысила голос, но охранник сразу подошёл ближе. Мне предложили оставить бумагу в приёмной и написать обращение. После того как талон дважды вернулся ко мне, такой способ хранения не внушал доверия.

— Я передам копию, — сказала я. — Оригинал пока останется у меня.

— На каком основании?

— На основании того, что он мой. Автомат выдал его мне в папку.

В этой фразе имелась слабость: талон был оформлен на Петра Васильевича. Однако спорить о праве собственности на бумажку у носилок с умершим человеком было стыдно. Я убрала её в карман и отошла к окну.

Медики задержались у выхода. Один врач вернулся к служебной двери и спросил, сколько времени мужчина находился без сознания. Ответы получились разными. Охранник говорил о пяти минутах, администратор — о десяти, а Елена Викторовна уверяла, что Николая обнаружили почти сразу.

— Он жаловался сегодня? — спросил врач.

— У него хроническое заболевание, — сказала замести-

тель руководителя. — Таблетки всегда с собой.

— Я спросил, жаловался ли сегодня.

Она поправила бейдж и ответила, что не видела Николая с утра. После этого в зале стало тише. Люди начали понимать, что слова о сердечном приступе не опирались на сегодняшний разговор.

Марина Котова вышла из окна № 7 с бутылкой воды. Я узнала короткую стрижку и внимательный взгляд. Она шла к служебной двери, но там её остановил полицейский, только что вошедший в зал.

— Пока никого не пропускаем.

— У меня там сумка и лекарства.

— Подождите у окна. Вас вызовут.

Марина резко развернулась. Папка под её локтем задела тележку, и верхние конверты упали на пол. Один скользнул в зал, почти к моим ногам. Я наклонилась раньше, чем со-трудница успела возразить.

— Не трогайте! — сказала она.

— Уже подняла.

Я держала конверт за край. Клапан был прошит двумя скобами, а поверх них проходила льняная нить. Один конец торчал наружу и царапал палец.

Марина забрала пакет и проверила номер.

— Это не документы посетителей, — произнесла она. — Вернее, документы, но вы не должны их видеть.

— Я номер не читала.

— Вы всё читаете.

Обвинение прозвучало не без основания. Я помогла собрать ещё два конверта, не переворачивая их лицевой стороной. Полицейский разрешил, потому что они упали в общую зону и мешали проходу.

Санитары с носилками задержались рядом. Врач расстегнул манжету на руке Николая, чтобы проверить катетер. На запястье осталась красная полоса, а возле большого пальца — короткая ссадина. Ссадина была узкой и неровной. Её могла оставить жёсткая нить, если человек намотал её на руку и резко потянул.

Я посмотрела на конверт у Марины. Выступающий конец шнура совпадал по толщине.

— Он переносил пакеты вручную? — спросила я.

— На тележке.

— Тогда откуда на руке след?

Марина проследила за моим взглядом. Её лицо изменилось, но ответить она не успела. Врач закрыл запястье простынёй и велел санитарам двигаться.

— Николай иногда затягивал связки, — сказала Марина тише. — Если конверт расползался.

— Этот расползался?

Она посмотрела на пакет в своей руке и быстро положила его в тележку.

— Я не знаю.

Полицейский попросил нас отойти. Марина осталась воз-

ле окна и так крепко сжимала бутылку, что вода в ней плескалась.

Журнал происшествий передавали из рук в руки. Охрана отказалась его заполнять: случай произошёл вне её зоны. Хозяйственный отдел сослался на архивного подрядчика, а его кадровика в здании не было.

— Человек умер у вас в коридоре, — напомнил полицейский. — Запись делает тот, кто обнаружил.

После этих слов все посмотрели друг на друга. На несколько секунд вышло так, будто человека в МФЦ никто не обнаруживал.

Первой не выдержала Марина.

— Его нашла я. Дверь не открывалась, я позвала охранника.

— Во сколько?

— Около двенадцати пятидесяти.

Охранник покачал головой.

— Без пяти час. Я отметил обход.

— Я не смотрела на часы.

— А кто открыл дверь? — спросил полицейский.

— Я, — ответил охранник. — Ключом.

— Почему она была заперта?

Он объяснил, что служебная дверь закрывается автоматически. Коридор вёл к приёмной архивных пакетов и к комнате персонала. Обычно изнутри дверь открывалась нажатием на планку. Почему Николай не вышел сам, охранник не знал.

Из коридора тянуло нагретым воздухом. Охранник объяснил, что там давно жаловались на батарею: регулятор заело, и помещение быстро прогревалось, если обе двери закрывались. Елена Викторовна сразу уточнила, что заявку передали хозяйственной службе ещё на прошлой неделе.

— Окно там есть? — спросил полицейский.

— Нет. Коридор внутренний.

— Вентиляция?

— Работает по общей системе.

Полицейский подошёл к двери, нажал на планку изнутри и проверил замок. Створка открылась без усилия. Потом он попросил охранника закрыть её снаружи и повторил проверку. На этот раз дверь задержалась на секунду, щёлкнула и отпустила. Охранник сказал, что такое случалось после обновления контроллера, но людей внутри прежде не запирало.

Я встала у стены: не мешала, но всё слышала. Такая позиция редко нравилась людям с бейджами. Елена Викторовна заметила меня и попросила полицейского очистить зал от посетителей.

— Я свидетель части событий, — сказала я. — Видела тележку и след на руке умершего.

— Вы видели работу медиков, — поправила она. — Не нужно создавать версии.

Полицейский записал мои данные и разрешил дожидаться опроса у стены. Незаметное наблюдение закончилось. Теперь каждый сотрудник знал, кто я и зачем осталась.

Меня проводили в комнату персонала. За столом сидели Марина, охранник и девушка с планшетом. На подоконнике стоял журнал приёма архивных пакетов. Рядом лежал маршрутный лист Николая, закрытый прозрачным файлом.

— К документам не прикасаться, — предупредил полицейский.

— Я и не собиралась.

Марина посмотрела на меня так, словно уже знала цену моим обещаниям.

Опрос начался с её рассказа. Николай приехал перед полуднем, принял тележку у служебной стойки и должен был отвезти пакеты в районный архив. Перед отправкой он всегда сверял номера с журналом. Сегодня сверка затянулась.

— Он спорил с вами? — спросил полицейский.

— Не спорил. Спросил, почему один пакет снова в выдаче.

— Какой пакет?

Марина назвала номер. Я не успела его записать, но последние две цифры были 12.

— Что значит «снова в выдаче»?

— Папка уже проходила через моё окно. Потом вернулась на уточнение. Так бывает.

— Часто?

— Бывает, — повторила Марина.

Елена Викторовна вмешалась и объяснила, что МФЦ вправе возвращать пакет на доукомплектование до переда-

чи. Полицейский попросил её не отвечать вместо свидетеля.

Марина сказала, что Николай вынул спорный конверт из тележки и положил отдельно. Потом отнёс часть пакетов в служебный коридор. Она должна была подойти через несколько минут, но в зале вызвали посетителя.

— Когда вы пришли, папка была у него? — спросила я.

Полицейский поднял ладонь, напоминая, что вопросы задаёт он. Я извинилась. Через минуту он повторил вопрос почти теми же словами.

— Нет. Возле Николая лежал маршрутный лист. Папки не было.

В журнале нашли строку с нужным номером. В строке стояла сегодняшняя дата, маршрут — районный архив. В графе получателя оставалось пустое место. У остальных пакетов имелись подписи Николая или отметки о переносе.

— Он мог не успеть расписаться? — спросил охранник.

— Николай расписывался до того, как забирал папку, — ответила сотрудница с планшетом. — Иначе не принимал тележку.

Елена Викторовна поправила её:

— Иногда подпись ставят после сверки.

— Он не ставил после, — упрямо сказала девушка. — Он ругался, если строка пустая.

Николай всё же принял папку: номер попал в его маршрутный лист. В архив она не поступила. Возле тела и в тележке её не нашли. Смерть выглядела естественной, но до-

кумент исчез.

Полицейские закрыли журнал и начали осматривать вещи Николая. На стол положили телефон, связку ключей и блистер таблеток. Затем в пластиковом кармане нашли пропуск. В куртке оказались кошелёк и сложенный вчетверо лист.

Елена Викторовна попросила не разворачивать служебные бумаги при посторонних. Полицейский ответил, что посторонние сейчас выйдут. Меня проводили обратно в зал.

Дверь комнаты персонала осталась приоткрыта. Я не слышала слов, но видела, как полицейский расправил лист. От него оторвался небольшой уголок и упал на стол. Марина закрыла рот ладонью.

Тележку тем временем отодвинули от служебного прохода. Верхний конверт снова выступал. Его шов был обращён к окну № 7. Я запомнила положение и подошла к стойке администратора за копией регистрационного номера своего обращения.

Когда вернулась, конверт лежал поперёк тележки. Шов по-прежнему смотрел в сторону седьмого окна.

Охранник заметил мой взгляд.

— Не трогайте тележку.

— Я не трогала. Её двигали вы?

— Поставил к стене.

— А верхний пакет переворачивали?

Он посмотрел на конверт, затем на дверь комнаты персонала.

— Нет. И вам советую больше ничего не замечать.

Совет опоздал. Я попросила разрешения сфотографировать тележку без номеров и надписей. Полицейский отказал. Тогда я сделала схему в блокноте: дверь, окно № 7, положение колёс и шов. После этого тележку вывезли в закрытую зону. За порогом конверт перестал двигаться. Он лежал так, как его уложил охранник, и больше не поворачивался.

Меня вызвали для короткого объяснения. Я рассказала о Надежде Егоровне, талоне на имя её умершего мужа и отметке «3–12». О пропавшей папке я пока ничего не утверждала: номера я не видела полностью.

Полицейский попросил показать талон. Я вложила его в прозрачный файл, который мне дали в комнате, и передала только для осмотра. Он сфотографировал обе стороны, записал время печати и вернул оригинал.

— Почему не отдали сотрудникам?

— Уже отдавала. Он вернулся.

Полицейский посмотрел на меня поверх листа.

— В каком смысле?

— В прямом. Его рвали и выбрасывали, а потом я находила целым. Понимаю, как это звучит. Для проверки важны время, имя и код, а не целостность бумаги.

Он ничего не ответил, но внёс в объяснение только проверяемые сведения. Меня это устроило.

Из комнаты персонала вынесли пакет с вещами Николая. Следом вышла Марина. Она остановилась возле меня и тихо

спросила:

— Вы Надежду Егоровну знаете?

— С сегодняшнего дня.

— Она уехала?

— Да.

Марина кивнула, однако облегчения на её лице не появилось.

— Николай велел задержать её папку, — сказала она. — Я не успела.

— Почему задержать?

— Он написал на листе. Больше ничего мне не сказал.

Елена Викторовна позвала Марину по имени. Та сразу отошла. На столе у полицейского остался оторванный угол маршрутного листа. Его положили в отдельный пакет, и через прозрачный пластик читались карандашные слова.

«Н. Е. — не в поток».

Николай Рудин изменил маршрут папки и умер у запертой двери, прежде чем успел объяснить решение. Я переписала пометку в блокнот и рядом указала время вызова Надежды Егоровны к окну № 7.

Глава 3. Окно, которого все боятся

К половине десятого перед МФЦ уже стояли две камеры и три телефона на вытянутых руках. Рядом женщина в красном берете уверяла зрителей, что электронная очередь связывается с покойными через государственную базу. Женщина говорила без пауз. Государственная база впервые вызвала у граждан такой интерес.

Я остановилась у края двора и включила диктофон. После вчерашней смерти Николая Рудина хотелось проверить факты до того, как слухи окончательно заменят собой учреждение. В интернете уже появились ролики о «мёртвой очереди». В одном автор утверждал, что талон покойного деда отправил его оформлять пенсию. Автору было тридцать два, но ролик набирал просмотры.

— Вы тоже получили послание? — спросил парень с телефоном.

— Выписку, — ответила я. — Послание оказалось длиннее.

Он решил, что я шучу, и переключился на женщину в берете.

У входа охранник проверял талоны и объяснял, что без услуги внутрь сегодня не пустят. Рядом лежала стопка распечатанных объявлений: «МФЦ работает в штатном режиме». Посетители читали их и сразу понимали, что режим необыч-

ный.

Я позвонила Олеся. Она ответила не сразу. На заднем плане работал фен.

— Только не говори, что ты опять в МФЦ, — сказала она.

— Я опять в МФЦ.

— У тебя там абонемент?

— Пока три талона и один умерший курьер.

Фен выключился. Я сообщила о Николае, пропавшей папке и записке «Н. Е. — не в поток». Про целый талон Олеся знала со вчерашнего вечера.

— Надежде Егоровне звонила?

— Нет. Обещала не лезть без разрешения.

— Значит, пока не звони. Я узнаю через деревню, добралась ли она домой. Без вопросов про бумаги.

Настасья Петровна была рядом. Олеся включила громкую связь, и та спросила, где сейчас лежит талон.

— В прозрачном файле, у меня в сумке.

— Руками больше не трогай.

— Я и не трогаю.

— Ты вчера дала его полицейскому.

— В файле.

— Тогда правильно.

Настасья Петровна помолчала, а потом добавила, что бумага возвращала к незавершённому действию. Что именно не завершили, пока было непонятно.

— И не ходи за закрытую дверь, — сказала она.

— Я вчера не пошла.

— Потому сегодня и говорю спокойно.

Охранник услышал последнюю фразу и посмотрел на меня с уважением человека, который тоже мечтал запретить мне служебные двери. Я завершила звонок и занялась рассказами посетителей.

Проверяемых случаев оказалось мало. Мужчина с талоном на имя умершей матери не сохранил бумагу и не помнил номер окна. Девушка призналась, что увидела имя покойного соседа в комментариях под роликом, а не на талоне. Женщина в красном берете показала обычный талон со своим именем и считала доказательством цифру семь.

Три настоящих талона отличались от остальных. Их владельцы согласились показать фотографии. На всех была услуга, связанная с недвижимостью. В одном случае документы подавали по квартире умершей сестры. Во втором пожилой мужчина оспаривал доверенность, о выдаче которой сам не помнил. Третий талон принадлежал Надежде Егоровне.

Я записала номера и время печати, не фотографируя личные данные. Рассказы о паспортах и пенсиях рассыпались после двух вопросов. Бумага упрямо возвращала разговор к жилью.

Возле входа возникло движение. Охранник не хотел пропускать мужчину без талона, а тот показывал служебное письмо на телефоне.

— Мне назначена встреча с руководством, — говорил он.

— Тогда руководство должно встретить вас здесь.

— Оно не отвечает.

— Значит, встреча пока не началась.

Мужчина поднял голову и увидел меня. Антон Ланской не изменился со времени истории с синим брелоком: тёмная куртка, спокойное лицо и привычка сначала оценить дверь, а уже потом людей возле неё.

— Вера, — сказал он.

— Антон. Вы тоже решили проверить судьбу у окна № 7?

— Мне хватило прошлой проверки. Она закончилась пожаром.

Охранник посмотрел на нас обоих и, кажется, решил, что по отдельности мы были неприятностью, а вместе — служебным происшествием. Я подтвердила, что Антон не снимает ролики и действительно работал со спорными маршрутами доступа. Это не помогло. Пришлось звонить Елене Викторовне.

Пока она шла, Антон не спросил про талон и не потянулся к моей сумке. После прошлого дела мы договорились не проверять личные вещи без прямого разрешения. До той истории очевидное правило вслух не звучало.

— Талон со мной, — сказала я. — Покажу, если понадобится. В руки пока не дам.

— Хорошо.

— Даже не спросите, почему?

— Потому что вы уже назвали условие.

Спорить с таким ответом было трудно, и это раздражало.

Елена Викторовна появилась в дверях. Сегодня на ней был серый костюм, а бейдж висел аккуратно. Она пропустила Антона по письму и меня по зарегистрированному объяснению полиции. Сразу предупредила, что доступ к внутренним журналам ограничен.

— После вчерашнего в здании идёт проверка, — сказала она. — Прошу не мешать сотрудникам и не распространять неподтверждённые сведения.

— Сведения уже распространяются без нас, — ответила я.

— Именно поэтому ответственность выше.

Она посмотрела на людей с телефонами. В её словах была правда: слух мог разрушить репутацию Марины Котовой до проверки. Версия о мистификации против окна № 7 оставалась возможной. Марина была напряжена и избегала взглядов даже тогда, когда просто принесла воду.

В кафе напротив мы с Антоном заняли стол у окна. Он получил от страховщика запрос по нескольким сделкам пожилых клиентов. После оформления документов собственники жаловались на давление посредников. Страховщика интересовал путь бумаг через МФЦ.

— Название компании скажете? — спросила я.

— Пока нет.

— Почему?

— Заказчик разрешил проверить маршрут, но не раскры-

вать его до официального запроса. Я могу показать обезличенные даты.

Он положил на стол лист, не передвигая мою чашку и телефон. На нём было четыре временные отметки. Две совпадали с днями, когда появились странные талоны.

— Вы проверяете сделки или смерть Николая?

— Сделки. Смерть изменила условия, но не заказ.

— Папка Надежды Егоровны есть в вашем списке?

— Имени у меня нет. Есть тип обращения и время.

Я показала фотографии трёх талонов, закрыв пальцем фамилии. Антон прочитал вид услуги и записал номера. Потом предложил простое правило: не обсуждать мотивы и не называть умерших, пока не сравним время, маршрут и тип услуги.

— То есть вы опять хотите оставить от истории одни двери, — сказала я.

— А вы хотите сразу заселить двери людьми. В прошлый раз мы уже выяснили, что оба способа по отдельности дают ошибку.

Спорить было трудно. В прошлом деле его маршрут помог найти доступ, а моё внимание к вещи — адресата предупреждения. Ранняя огласка едва не испортила всё. Толпа перед МФЦ показывала, что урок усвоили не все.

В зал нас пропустили через главный вход. К полудню настоящая очередь смешалась с новой забавой: люди брали талоны ради окна № 7, а не ради услуги. Один молодой чело-

век выбрал регистрацию несуществующего дома. Другая посетительница ждала, кто из родственников «откликнется».

Автомат печатал обычные номера. Разочарованные люди забирали талоны из лотка и требовали направить их именно к Марине. Администратор объясняла, что окно назначает система. После этого двое отменяли талоны и брали новые.

— Никогда не думала, что люди добровольно встанут в очередь за плохой новостью, — сказала я.

— За новостью без ответственности встают охотно, — ответил Антон.

Марина работала за стеклом и почти не поднимала головы. Каждые несколько минут к ней подходил очередной охотник за знаком и задавал вопрос, не имеющий отношения к выбранной услуге. Она отправляла их к администратору. На пятом посетителе она не выдержала.

— У вас есть документы на недвижимость? — спросила она мужчину с камерой.

— Я хотел проверить систему.

— Система проверила вас. Результат неудовлетворительный.

В зале засмеялись. Мужчина выключил запись и ушёл. Марина вызвала следующий номер.

Курьёз мешал работе, но оставлял след. Администратор складывала отменённые талоны в отдельную коробку, чтобы потом закрыть услуги вручную. Я попросила разрешения посмотреть только номера, связанные с жалобами на чужие

имена. Елена Викторовна отказала. Тогда Марина неожиданно сказала:

— Пусть посмотрит при мне. Иначе вечером напишут, что мы прячем список покойников.

Елена Викторовна не обрадовалась, но согласилась на обезличенную сверку. Мы сели за боковую стойку. Марина положила перед нами четыре копии обращений. Имена были закрыты листом бумаги.

Первый талон принадлежал одинокой женщине, с которой племянник делил квартиру. Второй получил вдовец, отозвавший доверенность на продажу комнаты. Дети третьей собственницы жили в другом регионе. Четвёртым был талон Надежды Егоровны.

— Откуда вы знаете про родственников? — спросила я.

— Люди рассказывают, пока ищут паспорт, — ответила Марина. — Особенно когда боятся подписать не то.

— И все проходили через ваше окно?

— Три — через моё. Один пакет приняли на служебной стойке, но в системе остался мой номер.

— Почему?

Марина посмотрела на Елену Викторовну. Та стояла у соседнего стола и делала вид, что занята телефоном.

— Пакет вернули на исправление, — сказала Марина. — Потом провели повторно.

— Пакет Надежды Егоровны?

— Я не называю фамилию.

Она соблюдала правило, хотя ответ был понятен. Я не стала давить. У всех подтверждённых случаев имелаась недвижимость, а рядом не было человека, который мог бы сразу проверить документы. Это ещё не доказывало преступления. Зато версия о случайной мистификации против Марины стала слабее: шутник должен был знать содержание личных обращений.

Антон попросил разрешения пройти к служебной двери, возле которой нашли Николая. Елена Викторовна отказала. Полицейская проверка не закончилась, доступ закрыли даже для сотрудников.

— Мне не нужно входить, — сказал он. — Достаточно увидеть подход к двери из разрешённой зоны.

Мы остановились у красной линии на полу. За ней начинался коридор, где вчера стояла тележка. Дверь в архивную приёмную находилась справа. У красной линии талон в сумке неожиданно потяжелел. В кармане сумки лежал только он.

Возвращение ощущалось неправильно. Папку вынули из общего движения, но не вернули владельцу и не передали дальше. След обрывался у двери, за которой вчера умер Николай.

Антон стоял в двух шагах и изучал пол. На сером покрытии остались потёртости от колёс тележки. Обычный путь шёл от служебной стойки прямо к архивной приёмной. Возле двери следы поворачивали к стене и заканчивались.

— Здесь тележка остановилась, — сказал он.

— Вчера её ставили у стены.

— Эти следы появились раньше. Тележка много раз доходила до этого места и разворачивалась. Но один путь уходит к двери персонала. Тележка туда не проходит по ширине.

Я спросила, мог ли её протащить Николай. Антон измерил расстояние шагом и покачал головой. Чтобы поставить тележку боком, пришлось бы вынуть пакеты или поднять переднюю часть. На стене не было царапин.

— Значит, он нёс одну папку в руках, — сказала я.

— Возможно. Или остановил тележку и передал пакет человеку у двери.

Мы независимо пришли к одной точке. Я почувствовала незавершённый возврат, Антон заметил остановку маршрута. Виновного эти наблюдения не называли.

— У вас тоже здесь что-то не сходится? — спросил он.

— Папка словно должна была вернуться, но её удержали. Дальше ничего.

— У меня маршрут заканчивается там, где не должен.

Мы не стали продолжать при камере. Любое слово могло превратиться в «эксперты слышали призрака».

К нам подошёл Денис Лебедев, подрядчик по электронной очереди. На его пропуске фотография выглядела бодрее владельца. Денис сообщил, что ручных вмешательств в систему вчера не было, кроме перезапуска одного терминала.

— Тогда откуда чужие имена? — спросила я.

— Старые связи в карточках. Ошибка сопоставления.

— Три ошибки на одном типе услуги?

— Вы нашли три. В системе тысячи операций.

Антон попросил обезличенную выгрузку с данными о времени печати талонов. Денис отказался без согласования, но Елена Викторовна разрешила показать пять строк на экране. Вероятно, хотела закрыть разговор техническим объяснением.

В комнате администратора мы увидели таблицу. Денис оставил дату, время, номер терминала и код услуги. Имена убрал. Три странных талона печатались на разных автоматах, но относились к одному коду — приём и передача документов по недвижимости.

— Сбой карточки не обязан выбирать один код, — заметил Антон.

— Если ошибка в шаблоне услуги, обязан, — ответил Денис.

— Когда обновляли шаблон?

— Две недели назад.

Антон попросил журнал электронного замка архивной зоны за те же минуты. Денис сразу сказал, что это другая система и другой подрядчик. Елена Викторовна хотела закончить встречу, но полицейский разрешил показать время открытий без фамилий.

На втором экране появились отметки двери и номера архивных ячеек. Я переписала три совпадения. Первый чужой талон напечатался через девять секунд после ручного откры-

тия ячейки 3–12. Второй — после ячейки 2–08. Третий — после 4–06. Перезапуск терминала произошёл позже и ни с одним временем не совпал.

Денис наклонился к экрану.

— Так не должно работать. Замок не связан с очередью.

— Технически не связан, — сказал Антон. — Но человек, открывший ячейку, мог в ту же минуту вызвать карточку пакета.

— Тогда имя подтянулось из карточки.

— Имя умершего, — напомнила я.

Елена Викторовна попросила не делать выводов до полной проверки. Она была права, но теперь у нас имелся факт: «мёртвый» талон появлялся не во время системного сбоя. Перед его печатью физически открыли архивную ячейку.

Антон показал строку с 10:17. Ячейка 3–12 открылась вручную, затем автомат выдал талон Надежде Егоровне на имя Петра Васильевича. Через несколько часов Николай оставил запись «Н. Е. — не в поток» и умер возле двери, где маршрут одной папки оборвался.

Я закрыла блокнот. Снаружи люди продолжали брать талоны ради знака, не подозревая, что настоящий знак уже вёл не к окну, а к ячейке 3–12.

Глава 4. Резкая Марина

К десяти утра Марина Котова стала самой известной сотрудницей МФЦ. Её узнавали раньше, чем загоралась надпись над окном № 7. Посетители подходили с телефонами, просили посмотреть в камеру и обязательно сказать что-нибудь строгое. Одна женщина даже вручила ей талон и сообщила, что готова услышать правду о своей судьбе.

— Ваша судьба записана на обороте паспорта? — спросила Марина. — Тогда откройте страницу с регистрацией.

Женщина обиделась. Мужчина за ней рассмеялся и тоже поднял телефон. Марина закрыла ладонью бейдж.

— Съёмка сотрудников ведётся только с их согласия.

— Вы же государственный человек, — возразил мужчина.

— Я человек, который сейчас отменит ваш талон. Услугу вы выбрали не ту.

Она нажала несколько клавиш. Номер погас, мужчина перестал улыбаться и потребовал заведующую, жалобную книгу и объяснение, почему его не пустили к окну, которого все боятся.

Я стояла у стойки администратора рядом с Антоном. За ночь в интернете появились новые ролики. В одном Мари-ну называли проводницей умерших. В другом — сотрудницей, которая продавала сведения о жилье и устраняла следы через электронную очередь. Вторую версию повторяли охот-

нее. Она звучала привычнее мистики и позволяла назначить виновную до завтрака.

— Вы хотели поговорить с Мариной, — напомнила Елена Викторовна. — Как видите, сейчас она занята.

— Вижу, что ей оставили всю толпу, — сказала я.

— Она работает по графику.

— После смерти коллеги и публикаций?

— Все работают. Учреждение не может закрыться из-за слухов.

В зале было пять других окон, но посетители упорно просили седьмое. Администраторы объясняли, что специалиста назначает система. Тогда люди отменяли услугу и брали новый талон. Автомат непрерывно печатал талоны, а Марина вручную закрывала ошибочные обращения, чтобы они не висели в отчёте.

Каждое исправление Марина помечала короткой записью на листке возле клавиатуры. Елена Викторовна это видела и не останавливала. Руководству было удобно, что все жалобы доставались Марине. Пока она отвечала любителям посмертных знаков, остальные специалисты принимали людей почти спокойно.

У соседнего окна две сотрудницы переговаривались вполголоса. Одна сказала, что Марина всегда держала бумаги дольше положенного. Вторая добавила, что она многое записывала на листочках. Услышав мои шаги, обе занялись экранами. Я спросила, подавали ли они докладные раньше. От-

вета не получила. До смерти Николая это считали дурным характером. Теперь её записи использовали как обвинение.

К окну подошла пожилая женщина. Телефона у неё не было. Она держала обычный файл с документами и явно не понимала, почему вокруг смеются.

— Мне сказали, вы строгая, зато не дадите подписать лишнее, — произнесла она.

Марина перестала хмуриться.

— Садитесь. Сначала посмотрим, что у вас в заявлении.

Разговор занял несколько минут. Марина нашла ошибку в номере квартиры, распечатала новую страницу и попросила женщину прочитать её самой. Когда та потянулась за ручкой, Марина остановила её и показала строку, где стояло согласие на передачу документов представителю.

— У вас представитель есть?

— Племянник помогает.

— Его фамилия здесь не указана. Пока не исправим, не подписывайте.

Женщина убрала ручку. В этот момент мужчина с камерой сунул телефон ближе к стеклу и спросил, не появился ли покойный родственник. Марина повернулась к нему так резко, что он отступил.

— Здесь человек проверяет документы. Отойдите.

— Не надо грубить посетителям, — сказала Елена Викторовна из-за моей спины.

Я не выдержала.

— Он снимает чужие бумаги. Марина сейчас защищает заявительницу.

Мужчина направил камеру на меня.

— А вы кто?

— Та, кто попросит полицию проверить запись, если в кадр попали паспортные данные.

Телефон опустился. Елена Викторовна посмотрела на меня без благодарности. Я впервые защищала Марину, хотя приятной она не стала. Просто чужая резкость ещё не доказывала продажу сведений.

После приёма пожилой женщины Елена Викторовна закрыла окно № 7 на технический перерыв. Марину отвели в комнату персонала. Нас с Антоном пригласили туда как участников внутренней проверки. Денис Лебедев уже сидел у стола с ноутбуком. Рядом лежал журнал исправлений, которого я вчера не видела.

Марина села напротив и скрестила руки.

— Сразу скажу: данные я никому не продавала. Телефоны заявителей не выписывала. Копии паспортов не делала.

— Вас пока об этом не спрашивали, — заметила Елена Викторовна.

— Зато весь коллектив уже спросил. Некоторые по два раза.

За дверью прошли две сотрудницы. Одна замедлила шаг, но после взгляда Елены Викторовны ушла дальше. Марина постучала пальцем по журналу.

— Вот официальные исправления. А вот мои черновики.

Она достала из кармана сложенный лист. На нём были номера талонов и короткие карандашные отметки. Такие же я видела у её клавиатуры.

— Почему вы не вносили всё в систему? — спросил Антон.

— Потому что система требует выбрать причину. А подходящей причины там нет. Есть ошибка заявителя, ошибка специалиста и технический сбой. Если пакет выглядит странно, но я ещё не знаю почему, ставить нечего.

— Тогда вы оставляли его на столе?

Марина кивнула.

— Иногда на десять минут. Иногда до конца смены. Николай просил не отправлять сомнительные конверты сразу.

Елена Викторовна придвинула к себе журнал.

— Вы задерживали документы без регистрации?

— Я задерживала до проверки описи. Ничего не выносила.

— Это нарушение маршрута.

— А отправить пакет с лишним листом — не нарушение?

Комната замолчала. Денис отвёл взгляд к ноутбуку. Антон не торопил Марину. Я спросила, когда Николай впервые попросил её откладывать пакеты.

— В начале месяца. Он заметил, что некоторые конверты приходят на повторный приём с новой нитью. Сказал смотреть шов до сканирования.

— Почему именно до?

— После сканирования в деле уже есть цифровой образ. Если в пакет добавили страницу, она становится частью комплекта. Потом попробуй докажи, когда появилась.

Елена Викторовна напомнила, что специалисты не устанавливают подлинность документов. Марина ответила, что Николай тоже не устанавливал. Он сравнивал опись и внешний вид конверта.

— Почему вы не сообщили руководству? — спросила я.

— Один раз сообщила. Мне объяснили, что старые конверты перешивают в архиве и не надо изображать криминалиста. Потом Николай попросил хотя бы ставить карандашную отметку.

— Где эти пакеты сейчас?

— Часть ушла дальше. Два вернули заявителям. Папку Надежды Егоровны я задержала.

Елена Викторовна резко подняла голову.

— Фамилию при посторонних не называем.

— Они и так знают, — ответила Марина. — А Николай из-за этой папки не успел уехать.

Она сказала, что утром двадцать восьмого октября пакет Надежды Егоровны лежал в ячейке 3–12. Марина вынула его перед повторным приёмом и заметила свежие скобы на клапане. Нить отличалась от той, которой пользовались в районном архиве. Николай пришёл позже, осмотрел шов и велел не отправлять пакет в общий поток.

— Где папка была после этого? — спросил Антон.

— На моей стойке. Потом Елена Викторовна велела освободить стол перед обедом. Я положила её обратно в ячейку.

— Вы уверены, что в 3–12?

— Да. Поэтому талон напечатался в ту минуту, когда ячейку открыли.

Денис повернул ноутбук к нам.

— Это пока предположение. Связи между замком и принтером нет.

— Тогда проверим без предположений, — сказала я.

Елена Викторовна сначала отказалась. В папке находились документы заявителя, а помещение после смерти Николая проверяла полиция. Антон предложил не вскрывать конверт и не читать данные. Денису требовалось лишь повторить техническую операцию на тестовой записи. Папка могла оставаться в закрытом контейнере под камерой.

После двух звонков разрешение получили. У архивной стойки собрались Денис, Елена Викторовна и полицейский, который фиксировал проверку. Марина стояла в стороне. Ей запретили подходить к терминалу.

Сначала Денис создал пустую тестовую карточку. Ввёл код услуги по недвижимости и отправил команду на печать. Принтер выпустил талон с условным именем «Тестовый заявитель». Время и номер окна совпали с настройками.

— Обычная работа, — сказал Денис.

Он удалил карточку и повторил операцию. Второй талон

оказался таким же. На пустой стойке имя Петра Васильевича не появилось.

Полицейский попросил принести контейнер. Сотрудница архива выкатила небольшую серую тележку. На ней стоял прозрачный короб, закрытый пломбой. Внутри лежал коричневый конверт. Фамилию закрывал служебный вкладыш, но номер ячейки 3–12 был виден.

Когда короб поставили на край стойки, я почувствовала то же, что у архивной двери: движение, которое остановили перед завершением. Бумага не звала и ничего не объясняла. Она словно не принимала место, куда её вернули.

Антон смотрел не на конверт, а на расстояние между коробом и принтером.

— Можно не приближать, — сказал он. — Оставьте там. Денис выбрал ту же тестовую запись и нажал печать. Принтер зажужжал, остановился, затем протянул бумагу. На талоне значилось: «Пётр Васильевич Соколов».

Никто не заговорил сразу. Денис проверил экран. В карточке по-прежнему стоял «Тестовый заявитель».

— Такого не может быть, — сказал он.

— Уже есть, — ответила Марина.

Елена Викторовна велела повторить. Короб убрали в коридор. Новый талон вышел с тестовым именем. Короб вернули на стойку, не открывая. Принтер снова напечатал Петра Васильевича.

Денис отключил устройство от сети и осмотрел кабель.

Потом сменил рулон бумаги. Результат не изменился. Имя умершего появлялось лишь рядом с папкой Надежды Егоровны.

— Это не доказывает подмену, — сказала Елена Викторовна.

— Не доказывает, — согласилась я. — Но исключает шутку Марины через ручное исправление. Она не касается терминала.

Полицейский забрал все тестовые талоны в отдельный пакет. Оригинальный талон В-107 оставался у меня в прозрачном файле. Папку вернули в контейнер и отвезли в закрытую зону.

Как только короб пересёк служебную дверь, тяжесть исчезла. Принтер молчал. Предел знака оказался точным: стойка, окно № 7 и сам конверт.

Марина попросила разрешения взять куртку из комнаты персонала. Елена Викторовна ответила, что сначала нужно закончить объяснение. Мы вернулись за стол. На этот раз Марина не села. Она достала из чехла телефона маленький сложенный листок.

— Это Николай оставил утром, — сказала она. — Я боялась показывать. Там моя вина тоже есть.

На бумаге стояло: «7 / Н. Е. / шов до ск.» Почерк был быстрым, буквы слипались. Ниже Марина добавила карандашом номер ячейки 3–12.

— Расшифруйте, — попросил полицейский.

— Седьмое окно. Надежда Егоровна. Проверить шов до сканирования.

— Почему Николай не написал полностью?

— Он всегда сокращал маршрутные пометки. Бумагу держал в кармане, чтобы не путать пакеты.

— Что значит новый шов?

Марина провела пальцем над краем листа, не касаясь его.

— Конверт вскрывали и закрыли заново. Скобы блестели, нить была жёстче. Старый прокол остался рядом. Николай увидел его сразу.

— Вы сами вскрывали пакет?

— Нет. Я только отложила его на стол. Это и есть моё нарушение.

Елена Викторовна поднялась.

— Ваше нарушение шире. Вы меняли маршрут документов, делали неофициальные пометки и скрыли служебную записку после смерти курьера.

— Если бы я отдала её вчера, меня бы уже объявили виновной.

— А сейчас вы улучшили положение?

Марина сжала губы. Ответа у неё не было. Она действительно нарушала порядок и молчала. Но это нарушение сохраняло след, который обычный маршрут успел бы стереть.

Елена Викторовна объявила, что Марину временно отстраняют от работы до окончания внутренней проверки. Пропуск попросили сдать сразу. Марина сняла бейдж и по-

ложила на стол.

За дверью уже ждали две сотрудницы. Одна посмотрела на бейдж, затем на Марину и быстро отвела глаза. Новость разойдётся раньше, чем она успеет надеть куртку.

— Вы сейчас делаете её виновной для зала, — сказала я.

— Я исполняю обязанности руководителя, — ответила Елена Викторовна. — Нарушения подтверждены её собственными словами.

— Подтверждена задержка пакета. Продажа данных не подтверждена.

— Я этого не утверждала.

— Но и посетителям не объяснили.

Елена Викторовна попросила меня не вмешиваться в кадровые решения. Я больше не спорила. Марина всё равно уходила, а вместе с ней закрывался прямой доступ к окну № 7.

В коридоре она остановилась рядом со мной.

— Не надо меня защищать, — сказала она. — Я вам не нравлюсь.

— Это не должностное требование.

Марина почти улыбнулась, но передумала.

— Николай просил задержать именно эту папку. Сказал: если она попадёт в сканирование, потом будут спорить уже не о шве, а о странице внутри.

— Он видел страницу?

— Нет. Только новый прокол и нить. Но до сканирования конверт обязан был быть целым.

Она надела куртку и направилась к выходу. Посетители узнали её сразу. Несколько телефонов поднялись, однако Марина прошла мимо, не сказав ни слова.

Я вернулась к архивной стойке. Окно № 7 закрыли, над ним погасло табло. На столе оставался один тестовый талон, который полицейский ещё не успел убрать. В строке имени стоял Пётр Васильевич Соколов, а время печати совпадало с минутой, когда папку Надежды Егоровны поставили рядом с принтером.

Николай заметил новый шов до сканирования и вывел пакет из общего маршрута. Утром мы должны были найти страницу, ради которой он вернул папку.

Глава 5. Папка Надежды Егоровны

Утром тридцать первого октября у меня было два разрешения и ни одного настоящего права заглянуть в папку Надежды Егоровны. Антон получил доступ к обезличенной описи по запросу страховщика. Мне разрешили присутствовать при сверке как свидетелю вчерашней проверки, но предупредили: одно лишнее движение — и я окажусь за дверью.

После истории с талонами руководство МФЦ решило, что главная опасность для документов исходит от людей с блокнотами.

Папка оставалась в прозрачном контейнере под пломбой. После смерти Николая её включили в материалы проверки, поэтому вскрывать конверт без полиции никто не собирался. Нам показали копию описи и цифровой образ пакета на отдельном экране. Личные данные закрыли серыми полями, оставив номера страниц и вид документа.

— Шесть листов, — сказала сотрудница архивного отдела.
— Так указано в описи при первоначальном приёме.
На экране было семь изображений.

Я пересчитала их ещё раз, хотя от повторного счёта восьмая страница обычно не появляется. Первым шло заявление Надежды Егоровны. Далее располагались документы на квартиру. Седьмым изображением оказалось согласие на передачу полномочий представителю.

— Это копия? — спросила я.

— Цифровой образ страницы из принятого пакета.

— А физическая страница где?

Сотрудница посмотрела на Елену Викторовну. Та стояла у двери и держала руки перед собой.

— В опечатанном конверте, — ответила она.

Полицейский, присутствовавший при сверке, попросил принести акт осмотра. В нём уже значилось, что после вскрытия пакета при понятых обнаружили шесть листов. Согласия среди них не было.

— Тогда цифровой образ сделали с листа, которого сейчас нет, — сказал Антон.

— Либо изображение ошибочно прикрепили из другого дела, — возразила Елена Викторовна. — Такая версия тоже проверяется.

Антон приблизил нижний край скана. На странице стоял внутренний код пакета, совпадающий с номером Надежды Егоровны. Дата сканирования была прежней, ещё до повторного вызова в МФЦ. Подпись закрыли, но строка с фамилией представителя оставалась видна частично.

— В описи после второго листа нет дополнительной позиции, — сказала я. — Значит, страницу добавили без изменения состава.

— Или скан прикрепили неверно, — повторила Елена Викторовна.

Она говорила спокойно и не позволяла себе лишнего сло-

ва. Меня раздражало, что её объяснение оставалось возможным. Ошибки в цифровых делах случались, а пустая строка ещё не доказывала умысел.

Сотрудница архива открыла журнал сканирования. Седьмое изображение появилось через три минуты после остальных. Оператор указан тот же. Номер станции совпадал с окном № 7, хотя Марина утверждала, что не сканировала пакет повторно.

— Марина могла оставить сеанс открытым? — спросил полицейский.

— Могла отойти, — ответила Елена Викторовна. — Это нарушение, но не преступление.

— Время есть в её табеле?

Денис Лебедев проверил внутренний журнал. В минуту появления седьмой страницы Марина закрывала другой талон. Это подтверждала камера над её окном. Значит, сканирование прошло под её учётной записью, пока сама Марина разговаривала с посетителем.

— Пароль знали другие сотрудники? — спросил Антон.

— Знать не должны, — ответил Денис.

— Я спросил не о том, что должны.

Елена Викторовна потребовала сформулировать запрос официально. После этого экран закрыли. Мы успели увидеть главное: опись содержала шесть листов, цифровое дело — семь изображений, а в бумажном пакете спорной страницы уже не было.

Прозрачный контейнер стоял у стены. Коричневый конверт лежал внутри на ребре. Пока мы смотрели скан, он медленно повернулся пустой боковой стороной ко мне. Пломба не дрогнула, короб никто не касался.

Я указала на него Антону. Он подошёл ближе, но остановился в шаге.

— Пустое место? — тихо спросил он.

— Изъятый лист. Больше ничего.

Копия согласия на экране почти не отзывалась. Конверт показывал, что листа не хватает, но не указывал, какой именно исчез и кто его вынул.

Полицейский заметил наш взгляд и попросил отойти от контейнера. Мы отошли. Конверт перестал двигаться.

В коридоре нас ждал мужчина лет сорока в дорогой куртке. Он ходил от окна к двери и несколько раз звонил одному человеку. При виде Елены Викторовны убрал телефон.

— Павел Андреевич, — сказала она. — Проверка ещё не закончена.

— Мне сказали, что документы тёти задержала журналистка.

Он посмотрел прямо на меня.

— Я ничего не задерживала, — сказала я. — У меня нет доступа к папке.

— Зато вы устроили шум. Теперь тётя решила, что её обманывают.

— Она получила талон на имя покойного мужа до встречи

со мной.

Павел повернулся к Елене Викторовне и потребовал выдать копию согласия. Он называл себя представителем Надежды Егоровны и уверял, что она сама попросила заняться квартирой. По его словам, тётя сначала согласилась продать жильё, а потом испугалась переезда.

— Она живёт одна, — сказал Павел. — Дом старый, зимой дорогу чистят через раз. Я нашёл нормальный вариант рядом с городом. Теперь посторонние внушают ей, что родственники хотят отнять квартиру.

— Доверенность у вас есть? — спросил полицейский.

— Согласие есть в системе.

— Оригинал?

— Его потеряли здесь. Почему вы спрашиваете об этом меня?

Павел всё время возвращался к одному: цифровая копия должна считаться достаточной. Куда исчезла бумажная страница, его не интересовало.

— Когда вы впервые обратились по квартире? — спросил Антон.

— Это не ваше дело.

— У страховщика есть спорная сделка, связанная с тем же объектом. Дата обращения важна.

Павел потребовал назвать компанию. Антон отказался. Тогда племянник заявил, что будет разговаривать только с руководством и полицией. Елена Викторовна отвела его в

отдельный кабинет.

Я успела услышать, как Павел повторил, что тётя стала упрямой после смерти мужа. Слово «упрямая» он произнёс так, будто это медицинский диагноз.

Через полчаса полицейский вышел с копией заявления Павла. Первое официальное обращение племянника датировалось двенадцатым октября. Спорный скан появился девятого.

— Значит, он пришёл позже, — сказала я.

— Официально позже, — уточнил Антон. — Неофициальный разговор мог быть раньше.

— Но подложный лист не мог появиться по его заявлению, если заявления ещё не было.

— Верно.

Версия о Павле как непосредственном изготовителе согласия ослабла. Его давление было настоящим, желание получить квартиру читалось без труда, но дата не подходила. Он мог воспользоваться готовой страницей или знать о ней заранее. Однако человек, добавивший изображение девятого октября, действовал до первого зарегистрированного шага племянника.

Павел вышел из кабинета раздражённым. Возле стойки он остановился и сказал, что подаст жалобу на вмешательство журналистки в семейное дело.

— Подайте, — ответила я. — Только укажите, какие документы я прочитала без разрешения.

— Вы обсуждаете тётю с посторонними.

— Я обсуждаю расхождение между описью и сканом.

— Из-за вас она теперь никому не верит.

— Возможно, ей стоит самой решить, кому верить.

Павел сделал шаг ко мне, но Антон не встал между нами.

Он просто положил на стол служебное письмо так, чтобы полицейский увидел движение. Павел остановился сам.

— Вы не знаете нашу семью, — сказал он.

— Поэтому и не говорю за неё.

Он ушёл, хлопнув дверью сильнее, чем позволял доводчик. Елена Викторовна посмотрела ему вслед, словно жалоба уже лежала у неё на столе.

К полудню мой официальный доступ к материалам сократили. Мне разрешили получить только номер собственного обращения и копию объяснения, данного полиции. Антону оставили обезличенную сверку по запросу страховщика. Мы перебрались в городской архивный отдел, где хранились промежуточные описи.

Там нас встретила женщина с красной ручкой и недоверием к электронным системам. Она разложила справки на столе и сразу заметила, что одна копия распечатана не в том масштабе.

— Так потом ищи край печати, — сказала она. — На экране всё красиво, а бумага у каждого своя.

Нам дали первоначальную опись, акт передачи и журнал возврата. В описи значилось шесть листов. В акте стоял толь-

ко номер конверта, а в журнале напротив девятого октября осталась пустая строка.

— Пустая строка что означает? — спросила я.

— Что сотрудник начал запись и не закончил, — ответила архивистка. — Или оставил место для уточнения.

— Такое допускается?

— Допускается всё, после чего потом пишут объяснительную.

Антон спрятал усмешку в кашле.

Мы сверяли даты почти час. Страница согласия появилась в цифровом деле девятого октября. В тот же день конверт вернули из архивного отдела в МФЦ без подписи получателя. Двенадцатого Павел подал первое заявление. Двадцать восьмого Николай заметил новый шов и вывел папку из маршрута.

В середине работы мне позвонила Олеся.

— Мы в городе, — сообщила она. — Настасья Петровна закончила приём, я забрала заказ для салона. Где вас искать?

— В архиве.

— Нормальные люди после врача едут домой.

— Вы нормальные, можете ехать.

— Уже поздно. Мы купили пирожки и решили испортить репутацию.

Через двадцать минут они появились в коридоре. Олеся несла пакет с расходниками для салона, а Настасья Петровна — небольшую папку с медицинскими справками. Она сра-

зу уточнила, что приехала не спасать меня и к вечеру хочет вернуться в деревню.

— У меня утром дела, — сказала она. — Посмотрю ваши бумаги час. Дальше сами.

Олеся тоже обозначила условие: никаких звонков клиентам и никаких разговоров с Павлом. Она знала его по деревне и не хотела становиться посредницей без просьбы Надежды Егоровны.

— Отлично, — сказала я. — У нас как раз нет права просить больше.

Архивистка выделила нам край длинного стола. Настасья Петровна достала простой карандаш и начала нумеровать копии в правом верхнем углу.

— Так нельзя, — сразу сказала молодая сотрудница.

— Оригиналы передо мной?

— Копии.

— Тогда можно стереть.

— У нас электронный порядок.

Настасья Петровна посмотрела на три стопки, которые уже дважды перемешали при переносе.

— Вижу.

Олеся отвернулась к окну. Я сделала вид, что записываю дату. Молодая сотрудница всё же улыбнулась и принесла резинку.

Настасья Петровна поставила на первой описи единицу, на акте передачи — двойку, на журнале возврата — тройку.

Рядом положила распечатки скана и пронумеровала изображения отдельно.

— Здесь шесть по бумаге, — сказала она. — А здесь после второго листа вставлен ещё один.

— Согласие стоит седьмым, — возразила сотрудница.

— На экране седьмым. По смыслу его вставили раньше. Посмотрите поля.

Мы приблизили распечатку. В составном PDF внутренний штамп на странице согласия стоял внизу, но край миниатюры следующей страницы перекрывал его часть. При обычном последовательном сканировании такого быть не должно. Страницу добавили в готовый файл между вторым и третьим изображением, а система показала её последней по времени загрузки.

— Поэтому опись не изменилась, — сказал Антон. — Оператор добавил образ отдельно, не открывая состав пакета.

Настасья Петровна провела карандашом от второго листа к спорной странице и поставила маленькую букву «а».

Молодая сотрудница засмеялась.

— У нас программа такие буквы не ставит.

— Потому и потеряли лист, — ответила Настасья Петровна.

Смех закончился. На распечатке стало видно, где цифровой комплект расходился с бумажным. После нумерации отсутствие листа стало очевидным.

Олеся тем временем рассматривала частично закрытую фамилию представителя.

— Это Павел? — спросила она.

— Полностью не видно, — сказала я. — И мы не будем угадывать.

— Правильно. Надежда Егоровна сама скажет, если захочет.

Она позвонила в деревню только затем, чтобы сообщить, что они задержатся в городе. Через несколько минут Надежда Егоровна сама перезвонила Олеся. Та не стала включать громкую связь и сначала спросила, можно ли передать телефон мне.

— Можно, — услышала я ответ.

Я вышла в пустой коридор.

— Надежда Егоровна, это Вера. Я говорю только о том, что уже проверено. В описи вашей папки шесть листов. Вскане семь изображений. Страницы согласия в бумажном пакете нет.

На другом конце стало тихо.

— Какого согласия?

— На действия представителя по квартире. Подпись на копии мы не проверяли.

— Я такого не подписывала.

— Павел говорит, что вы соглашались на сделку.

— Павел говорит за двоих с детства. Раньше только за себя и мать, теперь ещё за меня.

Она произнесла это без шутки. Я спросила, есть ли у неё документы, подтверждающие отказ.

— Есть. Я написала отказ в двух экземплярах, когда он принёс бумаги. Один отправила заказным письмом, второй оставила дома.

— Где он хранится?

— В синей папке, в нижнем ящике буфета. Рядом лежит тетрадь, куда я записывала даты. Почтовая квитанция и конверт с отметкой тоже там.

Я не стала спрашивать адрес. Надежда Егоровна сама напомнила условие:

— Говорить буду лично. В деревне. Без Павла и без телефонов на столе.

— Хорошо. Можно приехать завтра?

— С Олесей и Настасьей Петровной. Антона я не знаю.

Я посмотрела через стеклянную дверь. Антон стоял у стола и не приближался. Он понял вопрос по моему лицу.

— Он может ждать снаружи, — сказала я.

— Пусть сначала не едет. Я сама решу, показывать ли ему бумаги.

— Я передам.

Надежда Егоровна помолчала, потом добавила:

— Пётр заставил меня вести тетрадь. Сам квитанции в сахарницу прятал, а даты записывать требовал. Говорил, бумага забудет, человек перепутает, а число останется.

— Подлинный отказ никому не отдавайте до нашего при-

езда.

— Уже не отдам. Один раз поверила окну.

После разговора мы собрали копии. Настасья Петровна стёрла карандашные номера с тех листов, которые требовал вернуть архив. На нашей разрешённой копии отметки оставили. Молодая сотрудница уже не улыбалась. Она попросила сфотографировать схему для внутренней проверки.

Елена Викторовна позвонила, когда мы выходили. Жалоба Павла поступила официально. До решения руководства мне запрещали присутствовать при дальнейших сверках в МФЦ. Я поблагодарила за сообщение и не стала спорить. Доступ всё равно закончился там, где начиналось согласие Надежды Егоровны.

В квартире мы разложили записи на столе. Тишка сразу лёг на пустую пластиковую папку-файл и отказался уступать место. Олеся сказала, что кот понимает архивную работу лучше некоторых учреждений: занимает только свободное.

Антон записал даты и закрыл ноутбук.

— Завтра я не еду, — сказал он. — Надежда Егоровна меня не приглашала.

— Я знаю.

— Позвоните, если она разрешит проверить маршрут письма или конверта.

Он не просил увидеть отказ и не предлагал объяснить Надежде пользу своего присутствия.

Олеся ушла звонить водителю, а Настасья Петровна забрала пирожки из пакета, пока Тишка не добрался до них первым. Я переписала в блокнот итог дня: шесть листов в описи, семь изображений в скане, оригинала согласия нет. Подлинный отказ лежал в деревне N рядом с тетрадью дат и почтовой отметкой.

Утром нам предстояло ехать не за мистическим талоном, а за бумагой, которую Надежда Егоровна действительно написала сама.

Глава 6. Копия молчит

Первого ноября квартира с утра напоминала маленький отдел проверки документов, который забыл получить лицензию. На столе лежали три бумаги, возле ноутбука сидел Антон, а Тишка занял единственный свободный стул и смотрел на нас с видом начальника, не одоббившего состав комиссии.

Я открыла окно на проветривание, но бумаги пришлось сразу прижать чашкой. Тишка счёл это вмешательством в его работу и пересел на папку, которую мы как раз собирались открыть.

Олеся принесла из кухни чашки и поставила их на подоконник, подальше от листов. Настасья Петровна проверила расстояние до края стола, забрала у меня ручку и выдала простой карандаш.

— Ручкой потом сами себе докажете, что лист был таким с рождения, — сказала она. — Карандаш можно стереть.

— Мы не собираемся писать на оригиналах, — ответила я.

— Люди редко собираются. Они потом обнаруживают, что уже согласились.

Для проверки я выбрала старое заявление Сергея Николаевича на замену счётчика. Подлинник хранился в его папке, нотариальную копию мне когда-то сделали для спора с управляющей компанией, а скан остался в ноутбуке. Доку-

мент не относился к чужой тайне, поэтому мы могли сравнивать его без разрешений и закрытых дверей.

Я положила перед собой оригинал. Бумага сразу отозвалась знакомым ощущением: человек торопился закончить дело, дважды проверял номер квартиры и раздражался из-за пустой строки. Я не слышала слов и не видела прошлого. Оставался только след действия, которое много раз прокручивали в голове перед подписью.

Нотариальная копия отзывалась слабее оригинала. Скан на экране почти ничего не давал: буквы отображались точнее, но след действия исчез.

— На оригинале я чувствую, что Сергей Николаевич хотел добиться замены счётчика, — сказала я. — На копии остаётся общее направление. Скан просто читается.

— А подпись настоящая? — спросила Настасья Петровна.

— Не знаю.

— Значит, запиши именно это.

Она подвинула ко мне блокнот. Я написала: «След показывает намерение и связь с предметом. Подлинность подписи не определяет».

Антон прочитал запись, не беря блокнот в руки.

— Это ограничение важнее самой реакции, — сказал он.

— Иначе любой спор закончится фразой: Вера почувствовала.

— Удобно было бы, — заметила Олеся. — Особенно в очереди. Поднёс бумагу, Вера нахмурилась, все разошлись.

— Через неделю меня бы посадили у окна № 7 вместо Марины.

— Через два дня. У них там кадры освобождаются быстро.

Настасья Петровна не поддержала шутку. Она взяла копию за угол и спросила Антона, что он видит в маршруте документа.

— Оригинал проходил через руки владельца и нотариуса. Копия — через нотариуса и Веру. Скан не имеет физического пути после загрузки.

— Значит, не путай путь файла и путь бумаги.

— Не буду.

— Вчера путал.

Антон не стал защищаться. Он открыл схему, которую составил после сверки в архиве, и убрал стрелку от сканера к ячейке.

— Вы правы. Изображение могло появиться позже, а лист находился в пакете раньше. Сначала проверяем бумажный маршрут.

Настасья Петровна кивнула. Её правило он принял без спора, хотя ещё вчера начинал с журналов. Мне понравилось это больше, чем хотелось показывать.

Мы перешли к копии согласия из папки Надежды Егоровны. Страница выглядела обычной, но ясного следа намерения не давала. Это не делало её поддельной: скан настоящего документа мог молчать почти так же.

— Значит, мистика здесь бесполезна? — спросила Олеся.

— Не бесполезна, — ответила я. — Она привела к папке.

Но дальше нужны время и руки.

— И дверь, — добавил Антон.

Он получил сообщение от Дениса Лебедева. Подрядчик согласился показать журнал операций за девятое октября, но встречу назначили в комнате сканирования. Елена Викторовна разрешила доступ только к обезличенным данным и хотела присутствовать лично.

— Быстро она узнала, что мы ищем промежуток, — сказала я.

— Денис обязан согласовывать доступ, — ответил Антон.

— Пока это обычная процедура.

Настасья Петровна собрала бумаги и пересчитала их. Она приехала в город на один день и собиралась вечером вернуться в деревню. Олеся тоже поставила условие: после МФЦ она заедет за расходниками и больше никуда не пойдёт.

— Я участвую до пяти, — сказала она. — Потом у меня своя работа. Если расследование не успеет, пусть подождёт до завтра.

— Справедливо, — ответила я.

— Запиши. Иногда полезно иметь документ.

В МФЦ нас встретили без радости, зато посетители больше не направляли телефоны нам в лицо. История о «мёртвой очереди» начала надоедать публике, а жалоб стало больше.

Окно № 7 оставалось закрытым. Объявление о техническом перерыве висело уже второй день.

Денис ждал у служебной стойки. Он выглядел так, словно ночь провёл между двумя журналами, которые отрицали существование друг друга.

— Сразу договоримся, — сказал он. — Я показываю события системы. Вы не называете их взломом без подтверждения.

— А вы не называете всё сбоем до проверки, — ответила я.

— Хорошо.

Комната сканирования находилась за архивной стойкой. Вдоль стены стояли два аппарата. Между ними оставалось место для серого контейнера с пакетами. На полу виднелась полоса от колёс тележки, а возле двери кабинета Елены Викторовны покрытие было протёрто сильнее.

Настасья Петровна попросила распечатать журнал.

— На экране можно увеличить, — предложил Денис.

— Можно. Только тогда вы будете двигать строки, а мы — помнить, какая была выше.

— Программа фиксирует порядок.

— Ваша программа уже показала семь изображений при шести листах.

Денис посмотрел на Антона. Тот закрыл ноутбук.

— Печатаем, — сказал он. — Сначала физическая проверка.

Принтер выпустил четыре страницы. Настасья Петровна поставила карандашом номера и разложила листы по времени. Молодая сотрудница архива, которая сопровождала нас, улыбнулась. Вчера такая улыбка закончилась найденным пробелом в нумерации, поэтому сегодня она быстро стала серьёзной.

Журнал начинался с регистрации пакета в 9:46. Специалист принял конверт, внёс номер услуги и отправил его на внутреннюю стойку. По процедуре сканирование должно было начаться после проверки описи. Обычно между этими действиями проходило две или три минуты.

В деле Надежды Егоровны первая страница появилась в 10:03.

— Семнадцать минут, — сказала я.

— В журнале нет ошибки, — ответил Денис. — Серверное время единое.

Антон положил рядом распечатку доступа к дверям. В 9:51 открылась служебная дверь архивной зоны. В 9:54 сработал замок кабинета Елены Викторовны. В 10:02 дверь открылась снова. Через минуту началось сканирование.

— Кто входил в кабинет? — спросила я.

— Журнал показывает идентификатор пропуска, — сказал Денис. — Фамилию без разрешения я не назову.

Елена Викторовна ещё не пришла. Полицейский, присутствовавший при проверке, разрешил показать должность владельца пропуска. Денис открыл справочник. Карта чис-

лилась за сотрудником внутренней стойки.

— Пакет был у него? — спросил Антон.

— Система не видит, что человек несёт в руках.

— Камера видит?

Денис ответил, что запись сохранилась, но доступ к ней выдаёт руководство. Затем показал журнал сканера. Первая команда поступила в 10:03. За три минуты создали шесть изображений. В 10:06 сеанс завершили.

— А седьмая страница? — спросила Олеся.

— Добавлена в 10:09 через функцию дозагрузки.

— Под той же учётной записью?

— Да.

— Марина в это время была у окна, — напомнила я.

Денис открыл журнал электронной очереди. В 10:09 Марина принимала заявителя. Её компьютер отправлял запросы, поэтому выйти в комнату сканирования она не могла.

— Учётная запись осталась открытой здесь, — сказал Антон. — Другой сотрудник воспользовался сеансом.

— Это нарушение, — ответил Денис. — Но не цифровой взлом.

Версия о внешнем взломе начала рассыпаться. Для добавления страницы не требовалось проникать в базу через интернет. Достаточно было войти в комнату, положить лист на стекло и нажать кнопку в уже открытом сеансе.

Я спросила, когда бумажный пакет вернули в ячейку. В журнале стояло 10:14. Ещё через минуту оператор закрыл

карточку. На всё ушло семнадцать минут с момента регистрации до начала сканирования и ещё одиннадцать после него.

— Если согласие добавили в 10:09, когда его вынули? — спросила Олеся.

— Между дозагрузкой и возвратом конверта, — ответил Антон. — Иначе оригинал остался бы внутри.

— Или страницы в пакете вообще не было, — возразил Денис. — Сотрудник мог принести отдельный лист, отсканировать и забрать.

— Тогда шов зачем?

Он посмотрел на меня и не ответил.

Новый шов означал, что конверт вскрывали. Но цифровой журнал не показывал, лежал ли лист внутри до вскрытия или его вложили только на несколько минут. Мистика тоже не различала эти варианты. Архивный конверт удерживал след изъятия, однако не называл порядок действий.

Настасья Петровна придвинула к себе распечатки.

— Покажите опись.

Сотрудница архива принесла служебную копию. В ней стояли шесть листов. Ниже оставалось свободное место, но дополнительной строки не было.

— Теперь распечатайте изображения по одному, — сказала Настасья Петровна.

Денис вздохнул, однако выполнил просьбу. Принтер начал выдавать страницы. Настасья Петровна нумеровала их

в порядке создания, а рядом ставила время. Шесть первых шли подряд. Согласие получило номер семь и отдельную отметку 10:09.

— А в собранном файле где оно стоит? — спросила она.

— Между заявлением и документами на квартиру, — ответил Денис.

— Значит, страницу добавили в цифровой комплект позже, вставив между уже отсканированными изображениями.

— Программа позволяет менять порядок изображений.

— Кто менял?

Денис открыл историю редактирования. Порядок изменили в 10:11, за три минуты до возврата конверта в ячейку. Действие прошло под той же учётной записью Марины.

Антон провёл карандашом линию от отметки дозагрузки к отметке перестановки. Потом остановился и передал карандаш Настасье Петровне.

— Лучше вы. Я опять начал с файла.

Она ничего не сказала, только отметила промежуток между 10:09 и 10:14. За эти пять минут страницу поместили в цифровой комплект и убрали с физического маршрута.

— Смотрите на опись, — сказала Настасья Петровна. — Если бы лист приняли официально, здесь появилась бы седьмая строка. Её нет. Значит, его не считали частью пакета.

— Но в скане он есть, — заметила сотрудница.

— Потому его изображение объединили с соседней страницей в составном PDF. Физического листа в бумажном

комплекте не было.

Фраза прозвучала просто, и после неё вся конструкция стала понятнее. Поддельную страницу не провели как документ. Её только показали системе, а затем вынули. Цифровое дело стало полнее бумажного, хотя официальная опись не менялась.

Полицейский попросил упаковать распечатки в отдельную папку. Денис сохранил выгрузку на служебный носитель и составил акт. Я переписала только обезличенные времена.

В этот момент вошла Елена Викторовна. Она поздоровалась со всеми и сразу заметила карандашные линии на копиях.

— Что именно вы установили? — спросила она.

Денис объяснил про семнадцать минут, дозагрузку и перестановку страницы. Чем дальше он говорил, тем спокойнее становилось её лицо.

— Дальнейшая работа с журналами будет проходить через меня, — сказала она. — Доступ к персональным данным уже вышел за пределы первоначального запроса.

— Мы не видели фамилии сотрудников, — ответил Антон.

— Вы сопоставляете внутренние маршруты и действия конкретных рабочих мест. Это тоже служебная информация.

— После смерти Николая маршрут связан с официальной проверкой, — сказала я.

— Поэтому материалы получит полиция. Журналистское

присутствие больше не требуется.

Она не говорила ничего ложного. Персональные данные действительно нельзя раздавать людям, которые хорошо задают вопросы. В последние дни посетители снимали чужие документы ради ролика, а Павел жаловался на вмешательство. Защита доступа была нужна.

Однако запрет появился сразу после того, как мы нашли промежуток между приёмом и сканированием.

— Почему журнал не закрыли вчера? — спросила я.

— Вчера проверяли технический сбой. Сегодня вы переходите к действиям сотрудников.

— Разве не в этом цель проверки?

— Цель проверки определяют уполномоченные лица.

— А вы теперь определяете, что им показывать?

Елена Викторовна посмотрела на полицейского. Тот ответил, что получит полную выгрузку по официальному запросу. Мне велели покинуть служебную зону. Олеся и Настасью Петровну это тоже касалось. Антон мог остаться только в пределах задания страховщика, без доступа к журналу кабинетов.

Мы собрали свои записи. Настасья Петровна вернула все служебные копии и стёрла карандаш с листа, который нельзя было вынести. Сотрудница архива проверила страницы дважды.

— Старомодно, зато ничего не пропало, — сказала Олеся.

— Пока не вышли за дверь, не хвали, — ответила Наста-

ся Петровна.

В общем зале мы остановились возле закрытого окна № 7. Принтер молчал. Папку Надежды Егоровны из опечатанного контейнера не выносили, и имя Петра Васильевича больше не появлялось.

Антон догнал нас через несколько минут. Ему успели показать только обезличенную схему дверей. Он положил телефон на стойку экраном вверх, не передавая его мне.

— Камеру коридора полиция запросила отдельно, — сказал он. — Денис успел проверить отметки до закрытия доступа.

На экране была таблица без фамилий. Служебный пропуск сработал в 9:54 у кабинета Елены Викторовны. Через восемь минут тот же сотрудник вышел и направился в комнату сканирования. В 10:03 началась работа с пакетом.

— Лица на записи не видно? — спросила я.

— Видно со спины. Фамилию установят по пропуску.

— Папка была в руках?

— Коричневый конверт такого же размера. Номер камера не читает.

Елена Викторовна появилась у служебной двери. Антон убрал телефон. Она попросила его не обсуждать внутренние данные в зале.

Мы вышли во двор. Олеся посмотрела на время и напомнила, что её рабочий день расследования закончился. Настасья Петровна вызвала машину до деревни. Они не ждали,

пока я попрошу остаться.

Перед отъездом Настасья Петровна забрала мой блокнот, проверила последнюю запись и вернула.

— Написано правильно. Оригинал исчез до того, как изображение стало частью дела. Остальное пока версия.

— А кабинет Власовой?

— Дверь открылась. Человек вошёл. Что было внутри, ты не знаешь.

Она села в машину рядом с Олесей. Я осталась у МФЦ с Антоном. В окнах второго этажа отражался серый двор, а за служебной дверью уже меняли порядок доступа к журналам.

Семнадцатиминутный разрыв не доказывал, кто подложил согласие. Зато он показывал место, где бумажный маршрут впервые разошёлся с цифровым. Пакет Надежды Егоровны зарегистрировали в 9:46, а в 9:54 сотрудник с коричневым конвертом вошёл в кабинет Елены Викторовны Власовой.

Глава 7. Очередь к Олеся

На следующий день мы снова приехали в МФЦ, хотя официально меня туда уже не приглашали. Моё присутствие ограничили общим залом, и Елена Викторовна проследила, чтобы я это поняла. Возле стойки появился новый охранник, который посмотрел моё объяснение полиции и вернул его с таким выражением, словно документ подтверждал опасность владельца.

Олеся приехала со мной, но сразу предупредила, что не станет искать заявителей по фамилиям и расспрашивать людей о квартирах. Настасья Петровна заняла место возле окна и достала вязание. На её взгляд, беседа лучше складывалась, когда собеседника не ждали с блокнотом.

Антон остался работать с логами. Утром он написал, что полиция получила запись служебного коридора, но результаты нам пока не передадут. От фирмы, которая заказала ему проверку, пришёл новый список спорных сделок. Имена он не называл.

В зале было спокойнее, чем в дни мёртвой очереди. Люди снова приходили ради документов, а не роликов. Окно № 7 оставалось закрытым. Табло погасло, стул Марины убрали. Пустое место только усиливало подозрения против неё.

Олеся помогла пожилой женщине поднять сумку на соседний стул. Та достала квитанцию и начала искать на ней

номер заявления.

— Здесь столько цифр, что одна обязательно должна оказаться нужной, — сказала женщина.

— Покажите, какую услугу вы получаете.

— Копию оплаты. Мне сказали, без неё заявление не примут.

Олеся нашла в квитанции дату и объяснила, что копию можно распечатать у информационной стойки. Женщина поблагодарила, затем спросила, не работает ли Олеся в МФЦ.

— Нет. Я здесь по личному делу.

— А объясняете понятнее.

Эту фразу слышал мужчина с папкой. Он подошёл следом и спросил, куда подавать заявление на исправление ошибки в выписке. Олеся указала на администратора. Мужчина посмотрел на очередь возле стойки и остался рядом.

— Вы бы хоть сказали, какой талон брать.

— Я могу помочь выбрать раздел, но документы не проверяю.

Через пять минут возле Олеси стояли четыре человека. Один хотел получить справку, другой — отменить доверенность. Женщина в зелёном пальто держала пакет документов на квартиру и ждала, когда новая консультантка освободится.

— Я не консультант, — повторила Олеся. — Я могу показать кнопку на автомате или подсказать, где копировальный

аппарат. Решать ваше дело не буду.

— А совет дать можете? — спросила женщина.

— Общий. Не подписывать то, чего вы не поняли.

Настасья Петровна подняла глаза от вязания.

— И читать до подписи, а не после.

Женщина села рядом с ней и достала из пакета договор.

— Мне всё объяснили. Только фамилия представителя не та, которую называли сначала.

— Тогда спросите у того, кто объяснял, — ответила Олеся.

— Арсений. Молодой такой, вежливый. Сказал, что фирма меняет специалиста, но для меня ничего не изменится.

Я стояла у автомата и делала вид, что изучаю список услуг. Имя прозвучало, и мне захотелось вмешаться. Олеся взглянула на меня и едва заметно покачала головой. Разговор принадлежал ей и женщине.

— Вы хотите, чтобы я передала это Вере? — спросила она.

— А кто Вера?

Олеся указала на меня. Женщина оглядела мой блокнот и насторожилась.

— Журналистка?

— Да, но без вашего разрешения она ничего записывать не станет.

Положение было неудобным. Имя я запомнила, но блокнот не открыла.

Женщина представилась Галиной Матвеевной. Она

оформляла наследственную долю после смерти сестры. Арсений предложил помочь найти покупателя, чтобы не ездить в город несколько раз. Сначала говорил о простой консультации, потом принёс согласие на представительство.

— Фамилия у него Власов? — спросила Олеся.

— Да. Арсений Сергеевич. Вы его знаете?

— Пока только слышала фамилию. Можно передать Вере, что он вам помогал?

Галина Матвеевна подумала.

— Фамилию можно. Мой адрес не надо.

— Адрес нам не нужен.

— И сумму не говорите.

— Вы её и не называли.

Женщина впервые улыбнулась. Олеся предложила ей выписать имя посредника на отдельный лист и сохранить вместе с договором. Потом отвела к администратору и вернулась на место.

— Первый, — тихо сказала она мне. — Но пока только фамилия и предложение о сопровождении.

— Вы отлично работаете новым консультантом.

— Я не консультант. Ещё раз назовёшь — возьму с тебя оплату за час.

Очередь, однако, уже решила иначе. Мужчина с выпиской держал место для женщины в сиреневой шапке, а та привела соседа, потому что у него «похожая бумага». Олеся снова объяснила, что не имеет доступа к базе. Люди соглашались,

но не уходили.

Администратор заметила скопление и подошла к нам.

— Здесь нельзя организовывать неофициальный приём.

— Я его не организовывала, — ответила Олеся. — Я сижу.

— Посетители мешают проходу.

— Тогда дайте им сотрудника, который ответит на вопросы.

Администратор посмотрела на очередь у своей стойки. Там спорили из-за талона, который система отправила к закрытому окну № 7.

— Общие вопросы можно задавать консультанту у входа.

— Там один человек на весь зал, — сказала женщина в сиреновой шапке. — А эта девушка объясняет нормально.

Олеся поднялась.

— Девушка сейчас уйдёт пить кофе. Остальные идут к официальному специалисту.

Люди загудели. Один мужчина спросил, выдадут ли им новые номера. Настасья Петровна убрала вязание и сообщила, что очередь к человеку без должности не даёт никаких прав. После этого посетители всё же разошлись, но женщина в сиреновой шапке пошла с нами в кафе.

Её звали Валентина Петровна. Она хотела продать комнату, оставшуюся после мужа, и купить жильё ближе к дочери. Дочь жила далеко и приезжала редко. Посредника посоветовала знакомая из поликлиники.

— Арсений Власов? — спросила Олеся только после того,

как Валентина Петровна сама произнесла имя.

— Он. Очень внимательный. Даже машину прислал, когда я в МФЦ ездила.

— Какие документы вы подписывали?

— Заявление и согласие. Он сказал, что иначе не сможет представлять мои интересы.

— Копия у вас осталась?

Валентина Петровна открыла сумку. Там лежал прозрачный файл, но доставать документы она не стала.

— Показывать не хочу.

— И не надо, — ответила Олеся. — Мы только спрашиваем, можно ли сообщить фамилию посредника и название фирмы.

Женщина назвала «Городское сопровождение». Я записала название после её согласия, не спрашивая адреса и номера комнаты.

— А что с Арсением? Он обманщик?

— Мы этого не знаем, — сказала я. — Проверяем совпадение в нескольких историях.

— Значит, всё-таки обманщик.

— Совпадение ещё ничего не доказывает.

Валентина Петровна нахмурилась. Ей хотелось ясного ответа, а мы принесли только новый вопрос.

— Он говорил, что помогает одиноким, — сказала она. — Родственники далеко, в учреждениях никто не объясняет. И правда ведь никто.

Олеся не стала возражать. Арсений пользовался реальной проблемой: пожилого человека гоняли по окнам, а он обещал разобраться с бумагами за день.

— Помощь может быть честной, — сказала Олеся. — Только копии держите у себя и не подписывайте новые документы без человека, которому доверяете.

— Дочери звонить?

— Позвоните, если сами хотите. Не потому, что мы велели.

Валентина Петровна ушла. Мы остались за столом втроем. Настасья Петровна подвинула ко мне салфетку.

— Пиши схему без имён.

Я разделила лист на три строки. В первой строке стояла Надежда Егоровна, но имя закрыла буквой Н. Во второй — Галина Матвеевна, в третьей — Валентина Петровна. У всех была недвижимость. Рядом появился Арсений Власов. Две женщины назвали одну фирму, Надежда пока не упоминала посредника.

— Пока только двое, — сказала я.

— Третьего найдём, если есть, — ответила Олеся. — Только не вытягивай фамилии из каждого человека с папкой.

Когда мы вернулись в зал, очередь возле Олеси восстановилась. Теперь люди заранее предупреждали друг друга, что она не сотрудник МФЦ, но это не уменьшало желания спросить. Одна женщина держала два талона и просила определить, какой правильный.

— Где вы их получили? — спросила Олеся.

— Один автомат выдал, второй возле окна нашла.

— Найденный сдайте администратору.

— А вдруг он мне знак?

— Тогда знак просит не занимать чужую очередь.

Женщина рассмеялась и протянула найденный талон. На нём стояло чужое имя — Людмила Андреевна Зорина. Время печати было сегодняшним.

— Это моя сестра, — сказала женщина после паузы. — Она умерла три года назад.

Смех закончился. Я спросила, как её зовут.

— Зоя Андреевна. Но я ничего не вводила. Просто нашла бумажку на стуле.

Талон относился к приёму документов по недвижимости и назначал окно № 7. Оно не работало. Над номером стояли сегодняшняя дата и время печати — 10:42.

Администратор забрала бумагу, проверила очередь и сказала, что такого номера в активных нет. По её версии, талон могли принести из дома ради шутки.

— Бумага тёплая, — заметила Настасья Петровна. — Из автомата недавно.

— В помещении тепло.

— Чернила ещё пахнут.

Администратор не ответила. Она отнесла талон к Денису, который как раз вошёл в зал с ноутбуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.